

ВОСКРЕСНЫЙ
ГОСТЬ «СМЕНЫ»

ИГРА — это не всегда весело. Игра не всегда увлекательна. Особенно та, которую придумывает для своих граждан общество или система. Игры бывают неинтеллектуальные и интеллектуальные. В последние времена любят играть с умными людьми, полагая, что оставят их в дураках. Условия этой игры бесхитростны: лабиринт с тупиками или «поддавки». Финал прост: выживание или...
Условия можно не принять и уйти с трассы. Условия можно принять и включиться в марафон за выживание. Для творческого человека «выжить» — это остаться в ладу с самим собой, что в элементарном смысле — остаться порядочным человеком и при этом видеть свои произведения дошедшими до читателя, зрителя, слушателя. «Не выжить» — это похоронить в ящиках стола и в мастерских свои рукописи и картины. Но игра-злодейка диктует иное: «гамбургский счет» — шутка, переписывание «Малой земли» — пример истинного творчества, тусовка у трюбу — нормальная творческая жизнь. «Попробуй, это так просто. Это и есть настоящая жизнь, только забудь «я»...

УСЛОВИЯ ИГРЫ

Стрижак и

«Я уважаю людей, которые не уходят в беге и андеграунд, а как-то выживают, не пиша это себе в страдание. Мне нравятся нормальные люди. Потому что жизнь — это жизнь», — считает воскресный гость «Смены» писатель Михаил ВЕЛЛЕР.

Михаил Веллер «поддавки» не выбрал. Не поставил на карту «выжить». Наверное, поэтому писал и пишет в своих рассказах то, что считает необходимым сказать, и то, что подчас заведомо не понравится многим «в креслах». Наверное, поэтому более десяти лет назад от закрытых для него наглухо издательских дверей Питера он уехал в Таллинн. Наверное, он просто знал, что истинное творчество не терпит компромиссов...

Сегодня у него за плечами много пройденных кругов этой игры. Он знает, что такое «молодой начинающий», он знает, что такое «кишитель литератор», он знает, что такое зависть врагов. Но он знает и другое — сегодня на его полке три книги рассказов, его печатают толстые журналы. Так, может, кривая его жизни идет вверх — победа!.. Как живет ему, Михаилу, в современной литературе?

«Охотник за истиной должен быть всегда готов и тому, что удача застигнет его вдали от людей, и голос не успеет покрыть пройденную даль, пока он жив. В моем ремесле победа не любит свидетелей. Я всегда был готов к забвению и смерти: таковы условия игры. И когда ты принимаешь их, то получаешь шанс выиграть. Если не победить, передрнуть в верный момент».

(Из рассказа «Рандеву со знаменитостью»)

— Что значит передрнуть? Уехать в Эстонию, подальше от ленинградского холодного гранита? Но почему и зачем, что могут изменить несколько сот километров, разделяющих два города одной страны?

— Многие. К концу восьмидесятых годов в литературной атмосфере исчез кислород. Цензура росла,

тиражи изданий уменьшались. Очередь в издательствах была на года. Молодежь была загнана в тупик. И если мы хорошо подумаем, то не вспомним ни одного имени, взмошшего в ленинградскую литературу за те десять—пятнадцать лет. Естественно, те, кто посылные, стали уезжать. Битва уехал в Москву, Татьяна Толстая позже, но тоже в Москву. Аксенов уже был в Москве, а потом отбыл в Штаты. Там же оказался Сергей Довлатов. Юра Гальперин — в Швейцарии. Миша Генделев — в Израиле. В 1979 году я уехал в Эстонию, и это я называю малой внутренней эмиграцией. Я понял, что, оставшись в Ленинграде, я никогда не начепаю своей книги, а уезжать на Запад не хотелось, потому что тогда это означало полный разрыв всех связей.

Говоря о кислороде, я говорю о степени свободы художника. Тогда между писателем и редактором существовал некий уровень доверительности, который выглядел примерно так: «Старик, это, конечно, хорошая вещь, но ты же понимаешь, что она непроходная...». И чтобы вещь была одновременно и хорошая и проходная, такого в Ленинграде 70-х—80-х годов

просто невозможно было представить. А для молодых не было больше места. Пирог был разделен. И люди, которые успели его съесть, зорко берегли свои кресла...

— И что, рывок в Эстонию был успешным?
— По крайней мере мне обещали, что моя первая книга выйдет в свет, и она действительно вышла. Как, впрочем, и вторая, и третья. Сейчас мне не приходится жаловаться. Я более свободен в своих выборах. Что касается положения эстонских и русских писателей в Эстонии, то, конечно, свои издаются в режиме наибольшего благоприятствования, а русские — просто при хорошем и весьма либеральном отношении.

— Неужели времена действительно изменились? Ведь все о том: печатают то, что раньше и не мыслили, обновился список авторов, можно в открытую грозить кулаком в сторону прежде священного союза...

— Да нет, все существует, как и было. Просто освободились пьедесталы, и на них надо обязательно кого-то взгромоздить. Многие по-прежнему хотят быть генералами. Кто сейчас «наверху» — Белов, Распутин, Бакланов. Мне, например, они никогда не представлялись большими писателями. Да, Бакланов когда-то открывал новые темы в литературе. Но, позволите, новая тема еще не есть факт искусства. У Распутина были задатки большого писателя. Его первая книжка рассказов была написана еще нетвердой рукой, но задуманы эти рассказы были интересно. Дальше — твердой она так и не стала. Из некогда «запрещенных» вышли вперед Пастернак и Солженицын. Опять-таки я, наверно, ничего не понимаю в литературе, но, по-моему, «Доктор Живаго» — вещь слабая и неудачная. В Солженицыне поражает сама судьба: это литературная судьба тиражом одна штука. Он хороший беллетрист, но надо поражать другому: пройти войну и не умереть, лагерь — и не умереть, травлю — и не умереть, заболеть раком — и не умереть... Когда много лет назад я за ночь прочел «Архипелаг ГУЛАГ», ощущение было одно: «Они сошли с ума — ведь нельзя же так!». А сейчас печатают в журналах, и — неинтересно... Я считаю, что самый большой писатель сегодня — это Владимир Маканин.

При всех лозунгах «Дорогу молодой литературе!» во все времена эта молодая литература загонялась в тиски. Где она сейчас? Вот при «Новом мире» сформировался свой круг новаторских авторов: Пещух, Татьяна Толстая, Евгений Попов, причем всем сорок и за сорок лет. Молодыми их назвать уже никак нельзя. А это происходит, в общем, во всех журналах. Покажите тех боссов литературы, которые станут печатать в своих журналах конкурентов с тем, чтобы эти конкуренты их отеснили.

Принцип не изменился, сталинско-жdanовская система великолепно действует и работает на полном ходу. Самое удивительное то, что никому не выгодно, чтобы хоть один болтик в ней дребезжал. Особенно тем, кто родился в этой машине и кто держит власть в этой литературной мафии.

— Новые мелодии и талантливые писатели и поэты, несомненно, есть. Их, наверно, единицы, но мы о них все равно не знаем. Почему? Как быть с расхожим мнением, что если талантливый человек действительно талантлив, то он все равно пробьет себе дорогу!

— Конечно, они есть и что-то там делают. Другое дело, что для того, чтобы узнать, надо почитать... У нас не будет ничего нового в литературе, пока не будет кардинальных изменений издательского дела, когда каждый сможет издавать то, что хочет. Потому что существует совершенно четкая взаимосвязь между тем, как человек пишет и как может издаваться. Допустим, молодой человек садится писать. По-настоящему всю энергию он выплескивает на чистый лист бумаги, желая создать свое нечто хорошо, сильно, умно, и думает только о том, чтобы довести это до желаемого идеала. Он хочет, естественно, чтобы это потом напечатали, потому что нечестобливые таланты — исключение из правила. Но когда он приходит в издательство и ему отказывают, то он начинает думать: «Почему печатают Маркова, хотя его книги такого...?»

Правильно Олег Шестинский как-то сказал, что у молодого автора 95 процентов энергии уходит на выживание и лишь 5 процентов на написание. Получается, что когда молодой человек всю свою энергию пускает на проживание, а это проживание у него еще и не получается, то энергия его расходуется не на твор-

чество, появляются отрицательные эмоции, которые мешают ему работать.

Помню, как в 73-м году на конференции молодых писателей Северо-Запада Сергей Михалков говорил: «Молодые таланты надо печатать, иначе без публикации они задохнутся, как без кислорода». Хотя он, как никто, умел перекрыть кислород и жить для себя... А Даниил Гранин предупреждал молодых, что не надо слишком торопиться печататься, предостерегал от раннего профессионализма, советовал прислушиваться к мнению старших. Ему было легко говорить — он имел все. Мне было тошно смотреть на этого фарисея. Перед ним сидели ребята, у которых впереди была видна лишь дворничьякая, водка и перспектива не напечатать ни строки...

«— Торопитесь смолоду. Слава стариков стоит на делах их молодости. Возрастом лица прозаика можно считать двадцать шесть — сорок шесть; исключения редки. Вот под пиджак и займется онолитературной ерундой, а раньше — жаль».

(Из рассказа «Рандеву со знаменитостью»)

— Ниче в моде андеграунд. Слово красивое, но не совсем понятное в определении литературы: литература либо есть, либо нет. Все чаще андеграунд (хотя не весь) доходит до степени абсурда. Ваше отношение к подобной «подземельной» литературе?

— Когда я встречаю грязного человека, мне хочется отправить его в баню, я даже готов дать ему два рубля на сауну. Мне кажется, сейчас в нашем андеграунде, в беге вытует скорее атрибутика, чем содержание. Есть известные сложные клише: художник — блуза, бант; длинные волосы; писатель — трубка, растянутый свитер, чашки из-под кофе по углам, разговоры об умном... Все это глупости. Все большие люди, настоящие писатели совершенно не были похожи на клише этих вот профессионалов. Они были нормальные люди, с нормальными привязанностями и взглядами на жизнь.

Я уважаю людей, которые не уходят в беге и андеграунд, а как-то выживают, не пиша это себе в страдание. Мне нравятся нормальные люди. Потому что жизнь — это жизнь.

— Что до того, литература ли это? Не знаю, не знаю. Когда несколько лет назад в Ленинграде вышел альманах «Круг», то литературы я там не нашел. Это не литература, читать это неинтересно. Я не нахожу это ни талантливым, ни интересным, никаким...

— Так где же критерий, по которым можно определять: это — литература, это — нет!

— В литературе, как во всякой деятельности, должна быть степень качества. Стул можно сделать и на пяти ножках, он будет оригинальным, но от этого он еще не будет хорошим стулом. И всегда были мастера мебели, которые понимали, что и для чего они делают.

Если на фоне потока усредненной, серой литературы появляется нечто, не похожее на этот поток стилем и фразой, то это еще не делает само по себе произведение литературой. Технический арсенал — вещь необходимая, но еще недостаточная, тем более что что-то может быть оригинальным для нас, но не будет таковым для мировой литературы. А еще, предположим, завтра разрешат издавать все, и оригинальное очень скоро перестанет привлекать. Литература — это не только форма и составленные слова, это еще и сильное напряжение между слез, и здорово сложный сюжет, что, хочу заметить, в литературе самое трудное. Это как Репин предложил модернистам нарисовать лошадку, и оказалось, что лошадку никто рисовать не умеет... Так многие могут писать этаким «импресси», а попробуйте написать детектив. Нет? Потому что там нужен сюжет...

Профессионал должен уметь делать на профессиональном уровне все, особенно талантливый. По крайней мере тиражом одна штука. Пусть будет создана тысяча произведений, из которых одно будет литературным. А все остальное, простите, навоз, на котором растет клубника.

— Понятие «качества» нам знакомо. У нас была целая эпоха в литературе, наисакая знак качества под названием соцреализм...

— По сути своей соцреализм нового ничего не открыл. Он требовал, чтобы были Павлики Морозовы и Павки Корчагины. И в чем-то это правильно, в литературе остаются только герои, герои: Одиссей, Робин Гуд, Дон Кихот, д'Артаньян, Шерлок Холмс, потому что всегда человеку нужен образец для подражания. В этом успех суперменов: «И я хотел бы быть таким!». Грубо говоря, нужен позитивный момент. Ведь недаром в обязательные списки школьных гимназий входил Плутарх, потому что его «Параллельные жизнеописания» — тот самый образец. Герои в литературе есть, были и будут. Как и всегда был «производственный» конфликт. Ведь главный конфликт классицизма — это столкновение чувства и долга. У Кальдерона, у Корнеля, у французских классиков... Только тогда это была верность королю и любовь к прекрасной даме, а теперь — любовь к комсомолке и верность делу партии...

Но у меня нет элементарного доверия к шедеврам соцреализма. На опыте я знаю, что многие из того, что написано в этих книжках, — неправда. Возьмем для примера «Весть о настоящем человеке» или «Как закалялась сталь». Просто они не настолько вопиюще плохи и антихудожественны. О «Молодой гвардии» говорить не приходится, потому что это вообще не всякой литературы, она антихудожественна, а ее читаешь с чувством неловкости за автора. Я отказывался верить в правдоподобность очень многих душе-раздирающих вещей, о которых рассказывает Полевый. У меня складывается ощущение, что Полевый не только фронта не видел, но и не говорил ни с кем. Не говоря о том, что Маресьев, несомненно, герой, но это не самый героический из подобных случаев на войне. Мне просто хочется встретиться с Маресьевым и узнать, как все было на самом деле. Что касается книги «Как закалялась сталь», то отдельные моменты в ней я просто отказывался понимать. Вспомнить хотя

бы хрестоматийный эпизод строительства узкоколейки. Триста комсомольцев строят дорогу в шесть верст, несложно подсчитать, что получается по двадцать метров дороги на одного комсомольца. Люди, которые занимались когда-нибудь такой работой, не дадут соврать: здесь нет и повода говорить о подвиге. Другое дело, что эти герои все делают так, что дышу даешься — не иначе последнего инженера расстреляли, что их никто поправить не может! И таких примеров в литературе соцреализма тьма.

Соцреализм принадлежит не литературе, а истории литературы: вот была такая эпоха и такие книги! Наверно, главные книги соцреализма останутся для узкого круга. Читать их невозможно.

— Но ведь читали...
— Любая книга находит своего читателя. Но я не встречал ни одного человека, который бы сказал, что ему нравится роман «Мать» или «Гидроцентраль». Ну не встречал. Не пошло. Преподаватели, которые нам преподавали их в Университете на филфаке, наверно, читали. По крайней мере так утверждали. А из нас никто... А что самое обидное, что этот соцреализм очень многим людям испортил вкус. Ведь когда мы учились, любимых слов для определения хорошей литературы было семь: партийность, идейность, народ, пафос, патетика, коммунистический и еще что-то...

«— Все беды от невежества, — говорил он. — А невежество — из неуважения к своему уму. Из счастья быть баблом в стаде».

«— Невежество. Нечестность. Глупость. Подчиненность. Трусость. Вот пять вещей, каждая из которых способна уничтожить творчество. Честность ум, знание, независимость и храбрость — вот что тебе необходимо, развить в себе до идеальной степени, если ты хочешь писать, мальчик. Те, кого чувствуют современники, не писатели».

(Из рассказа «Гуру»)

«— Бесконечная мера вашего невежества даже не забавна...»

(Там же)

— И все-таки вопрос выживаемости писателя сегодня зависит не только от издателя, которые печатают или нет его книги, но только от критика, который может прилепить непроходной ярлык, но и от читателя, который в своей массе испорчен плохой литературой до такой степени, что не может отличить от нее литературу хорошую. Вопрос с читателем вообще сегодня непрост. Известно, что очень сократилась посещаемость библиотек. И даже если возникает желание взять книгу в руки, то часто литературе высокого уровня предпочитают беллетристику...

— Ниче народ так замучен множеством проблем, что трудно ожидать от него желания что-нибудь почитать. А что до интеллектуалов... Нельзя питаться одной черной икрой. Это надо есть. Серьезная книга требует работы мозгов. Я, например, не могу читать Набокова три часа подряд, а от пятнадцати страниц могу получить огромное удовольствие. Профессиональное. От того, как это сделано.

— Предсказывают гибель большой литературы под натиском коммерции, что Тарзаны и Пинкертонны все захлестнут...

— Нет. Каждый получит свое. Это как с соцреализмом — каждая книга находит своего читателя. Меня раздражало, когда «Новый мир» миллионным тиражом печатал «Плеху» Айтматова, и пять миллионов людей, считающих себя интеллигентами, говорили: какое произведение! какие глубины! Пусть они читают Тарзана! По большому счету серьезная литература нужна не скольким десяткам человек.

— Раньше автор, приносящий великолепную рукопись, слышал: что вы, это противоречит уставу партии, то теперь он слышит: что вы, я это не продам...

— Все понятно. Коммерция нужна для того, чтобы покрыть убытки от престижных изданий. И у каждой литературы есть и будет свой круг ценителей. И, может, не надо, чтобы они смешивались. Когда я вижу Пруста на полках у людей, которые его никогда не прочтут, мне хочется его укрась...

— Да, но в этом доме вырастут дети, которые быть может, захотят взять книгу с полки!

— Слова богу... А потом ведь и коммерческая литература есть очень хорошая. Бй-богу, недавно мне доставило огромное удовольствие чтение «Крестного отца». Там все есть: острый сюжет, лихие герои, страсти, погони, любовь. Пусть будет коммерческая литература, но пусть она будет профессиональной. Талантливой.

Впрочем, литература — не такая простая и понятная вещь. Очень сложно объяснить влияние литературы. Я думаю, она, изощряясь, делает человека духовно объемным и разнообразным и в то же время в хорошую сторону. Да, она учит всему, и хорошему, и плохому. Потому что жизнь есть жизнь. И еще один важный момент: должно быть равновесие между знаниями, которые человек постигает через жизнь, и знаниями, которые он постигает через литературу...

«— Это моя форма существования. В этом я нахожу максимум понимания всем силам ума и души. Знания. Истории. Это удовлетворяет мое честолюбие, в этом я самоуверенно. К этому, видно, наиболее пригодно. И еще мне это здорово нравится».

(Из рассказа «Рандеву со знаменитостью»)

Меньше всего мне хотелось говорить с ним о его книгах: «Хочу быть дворником», «Разбиватель сердец», «Рандеву со знаменитостью»... Все, что он может сказать о них, в них же и написано.

Больше всего мне хотелось спросить, выиграл он эту игру или нет. Не стала. Я вспомнила о том, как студенты университета в дружеских пирушках первый тост поднимают «за Селлинджера», а второй — «за Веллера», как в университете мне рассказывали преподаватели, что прозу Веллера некоторые студенты безошибочно узнают среди анонимных текстов для контрольных работ, как наблюдала в Нарве в книжном магазине диалог покупателя с продавцом — он искал книги Веллера...

Я думаю, что Веллер выиграл. Он — что игра еще не закончена.

С гостем встречалась
Ника СТРИЖАК